

УДК 81'23

МЕТАФОРА КАК ЧАСТЬ ЕСТЕСТВЕННОГО СЕМИОЗИСА

© 2010 г.

О.С. Зубкова

Курский госуниверситет

olgaz4@rambler.ru

Поступила в редакцию 09.12.2009

Рассматриваются метафора как ментальная репрезентация и некоторые особенности ее существования в когнитивной базе индивида. Обосновывается подход к изучению метафоры как части естественно-семиотического континуума. Функционируя в ментальном пространстве как объект естественного семиозиса, метафора картирует семиотический континуум индивида, репрезентируя основной вектор дешифровки информации.

Ключевые слова: метафора, естественный семиозис, амбивалентность метафоры, естественный язык.

В культуре есть множество знаковых систем, сочетающих в себе свойства естественных и искусственных семиотик, так что отнесение таких систем к тому или иному классу обусловлено преобладанием в них черт естественного или искусственного происхождения. Рассмотрение метафоры обычно осуществляется в рамках языковой парадигмы. Мы предлагаем взглянуть на исследуемый феномен с позиции естественного семиозиса, частью которого, по нашему мнению, она является.

Т.В. Черниговская [1] отмечает, что существование прото-языка на основе достаточно примитивной системы знаков подготовило мозг к организации семиотической системы, оснащённой сложным синтаксисом с его продуктивностью (принципиальной возможностью создавать бесконечное количество новых сообщений на основе единых алгоритмов). Следует иметь в виду, что общие принципы эволюционных процессов могут быть прослежены применительно к различным системам как гомеостатическим, так и системам естественного и искусственных языков.

Такого рода амбивалентность характерна и для метафоры. Она является частью естественного языка, а язык имеет естественное происхождение. Ф. Растье [2, 3, 4] отмечает, что «язык имеет чувственную основу, объединяя ассоциации звуков или графических форм (следовательно, восприятий) и понятий в широком смысле, то есть ментальных представлений, образующих мультимодальные видимости, «запускающие» не только перцептивные, но и визуальные, слуховые способы восприятия. Мультимодальные видимости – это рефлексивные семиотики, определяющие степень задействования мозговых тканей в

речемыслительной деятельности» [4, с. 57]. Автор подчеркивает, что семиотика при этом должна отвлечься от материальности, чтобы означать. Пользуясь естественным языком, человек опосредует свои эмоции, мысли, интенции. Язык, по мнению У. Эко [5, с. 57], выполняет двойственную функцию: с одной стороны, среди всех семиотических систем он является наиболее развитым средством общения, предоставляя индивиду полноценную возможность объективировать свою субъективность и сообщить о ней партнерам по коммуникации. С другой стороны, язык предшествует индивиду, являясь классификатором действительности и организовывая её определенным образом, предлагает человеку готовые формы, в которые с неизбежностью помещается любая субъективность.

На основании сказанного выше генезис метафоры предстает как естественный. Р.О. Якобсон видел в раннем и быстром онтогенезе языка важное свидетельство биологической природы естественного языка. В работах А.Р. Лурия, Н.И. Жинкина говорится о генетически заложенной психофизиологической способности человека усваивать язык. Эти ученые отмечали, что мозг ребенка, например, представляет собой систему, способную к научению, но еще не обладающую никакими содержательными связями, а генетически предопределенный специфический механизм усвоения естественного языка расположен в левом полушарии [6; 7]. Поскольку метафора является частью языкового континуума, то нам представляется правомерным говорить о естественном генезисе исследуемого феномена.

Мы предлагаем взглянуть на проблему существования метафоры с позиции психологии

формы – оригинального направления, развиваемого во Франции, у истоков которого находятся такие ученые, как Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Делез. Основной принцип развиваемой теории заключается в трактовке существования человека, создающего и использующего символы, живущего в мире знаков, смыслов и значений. С этой точки зрения метафора принадлежит к особому типу семиологических объектов, конвенциональный потенциал которой выводит её за пределы знакового обмена. Следовательно, её символическая природа предполагает наряду с семиотической и лингвистическую парадигму анализа. Метафорические образы рассматриваются как особый язык, соотносящийся с реальным семиотическим континуумом. Ж. Лакан [8] отмечает, что человеческую психику составляют явления воображаемого, символического и реального порядка. В метафоре, находящейся на символическом уровне психики, необходимо вычислять те намерения, в которых индивид модулирует свой дискурс. Ж. Лакан заимствует у Ф. де Соссюра [9] формулу знака, значительно её видоизменив. У Лакана в этой дихотомии означаемое является ускользающим от сознания феноменом и имеет автономный характер. Оно выражается с помощью означающего, отражающего структурированность языка. Следовательно, в метафоре, как представителе символической составляющей психики, означающее выражается в языковой форме и «доминирует» над означаемым (опытом индивида). Кроме того, Ж. Лакан подчеркивает отсутствие постоянной логической связи между означаемым и означающим, что восполняется в речемыслительной деятельности у обычных людей и невозможно при психозе (это недуг, по мнению Ж. Лакана, характеризуется полным отсутствием метафор в семиотическом пространстве индивида). «У метафоры отсутствует означаемое, <... > следовательно, образуется брешь в синхронической цепи означающего и метафора не может быть представлена в полной форме ...» – противоречит автор Ф. де Соссюру [10, с. 112, 113].

С позиции лингвистического подхода к бессознательному, развиваемому Ж. Делезом [11], метафора представляет собой отражение результатов перекодирования информации, получаемой субъектом из внутреннего и из внешнего мира, формируемых в бессознательном, а психика есть лишь покрывало, сотканное из рефлексов. Овеществленные проекции образа составляют область интимной связи знака и физической реальности, спроецированной в коммуникационное пространство. В момент актив-

ности бессознательного создается точка, которая совпадает с будущим настоящей темы. Эта точка соответствует в будущем началу интерпретации. Смысл при этом является поверхностным феноменом и связывает между собой события и их выражения. Бесконечная вариативность связей между означающим и означаемым выражается в языке как в средстве выражения смысла, и главным образом в метафоре. Таким образом, в исследуемом феномене реализуется парадоксальная логика бессознательного, использующая «плавающее» означающее, открывающее возможности для символизма. Высокая степень конвенциональности обеспечивается, по мнению Ж. Делеза, ощущениями человека, компульсивно соединяющимися в ткани волнений, уже однажды пережитых и из которых частично состоит человеческая психика. Неопределяемое «утопленное» означаемое, лишенное смысла само по себе, способно принять любой смысл. Следовательно, функция значения заключается в соединении означающего и означаемого. Существенно, что метафора воплощает эти парадоксы бессознательного, координируя разнородные содержания в рамках означающего.

Нельзя не отметить вклад Ж. Деррида [12, 13] в развитие обсуждаемой концепции. Автор предложил отказаться от доминирования означаемого, закрепляемого при помощи означающего, или первичности денотации по отношению к коннотации, поставив под сомнение сосюрский дуализм знака. Основной идеей становится идея о различии (*différence*). Ж. Деррида подчеркивает, что означающее и означаемое могут легко поменяться, находясь в динамических взаимоотношениях. Символ, по мнению автора, отсылает к элементам семиотического континуума, и они, в свою очередь, отсылают к нему. Следовательно, в метафоре означающее могло заменить означаемое или «форма» «содержание», что позволяет сосуществовать множеству не тождественных друг другу, но вполне равноправных смысловых инстанций.

Постструктуралистическая концепция гено-текстов и фено-текстов Ю. Кристевой дополняет и развивает идеи Ж. Лакана. Гено-текст, например, соответствует символическому уровню развития психики и является базой для создаваемых фено-текстов (произведение у Р. Барта), подчиняющихся правилам функционирования языка [14, с. 280, 283]. Последние являются иерархически организованными семиотическими продуктами с устойчивым смыслом, в отличие от гено-текстов (текст у Р. Барта), расположенных на абстрактном уровне. Фено-тексты –

это очевидная сторона семиотического объекта, смысл которых формируется в гено-текстах, являющихся неструктурированной смысловой множественностью. В гено-текстах (отдельных словах, метафорах и высказываниях) реализуются интенции индивида. При этом автор подчеркивает амбивалентность означаемого: в символическом пространстве и знаковом пространстве. Соответственно метафора облекает символизм психики в вербальную форму, объективируя идеологема знака [15, с. 105, 106] в высказывании и являясь ключом к символической семиотике, а затем и к символическому дискурсу. Таким образом, идеологема конструирует знак метафоры, выстраивая иерархию референт-означаемое-означающее и интериоризирует оппозиционные диады до уровня артикуляции терминов и их конструкторов.

Р. Барт акцентирует внимание на открытости/закрытости процесса означивания. Автор отмечает, что происхождение знака метафоры имеет генетические корни. Эксплицирование скрытых означаемых метафоры (смыслов) может быть раскрыто с помощью языка психоанализа. Человек выбирает лишь одно из множества возможных означаемых используемых им метафор в ущерб всем остальным. Метафора не обладает одним-единственным смыслом и точным значением, но так же, как и текст, обладает смысловым многообразием [16]. По нашему мнению, это вполне применимо к метафоре, которая, согласно развиваемой нами концепции, является частью семиотического континуума индивида. Метафора так же, как и миф, представляет собой совокупность коннотативных означаемых, образующих латентный идеологический уровень дискурса [17]. Коннотативные означаемые, присоединяясь к знакам естественного языка и к различным материальным объектам, становятся знаками-функциями. Диффузный характер означаемых отражается в наличии множества денотативных знаков-носителей, так что слой коннотативных означаемых оказывается распылен по всему дискурсу. Подавление или даже вытеснение денотативных составляющих коннотативными смыслами говорит в пользу агрессивности последних в языковом континууме. Очевидно, что эти знаки относятся к знакам-индексам (в терминологии Пирса), поддающимся некоторой интерпретации адресата.

Метафора как речевой знак не только моделирует действительность, но и опосредует процессы понимания и говорения. Она создается с целью воздействия на сознание и через него – на действие индивида (манипулятивная

функция метафоры). Средством, служащим многочисленным опосредованиям в процессе речи, является смысловая структура, создаваемая дифференциальными признаками метафоры и внутренними связями между ними, которая воплощается в конкретном семиотическом континууме. Внешние связи метафоры, т. е. отношения её с отраженной в ней действительностью, определяют цель использования изучаемого феномена.

Существует точка зрения, что под значением метафоры понимается «процесс выработки смысла, а не сам смысл» [18, с. 278]. Значение – это соединение того, что означает, и того, что означается; это не форма и не содержание, а связующий их процесс. Как отмечает Ф. Растье, ментальные образы, активно эксплуатирующиеся сознанием при формировании значения метафоры, являются психологическими коррелятами означаемого, референция которых происходит путем парного подбора между ментальным образом и перцептивным «образом» объекта (включающим не только чувственные условия, но и физиологические предпосылки, и культурные условия) [2; 4]. Автор уточняет также, что «перцептивная система состоит из подсистем, включающих в себя означаемые других знаковых систем, типы визуальных и вербальных означаемых (сигналов) и мульти-модальные экспоненты, интерпретируемых реципиентом и образующих у индивида систему представлений (смыслов). В перцептивной системе интегрируются означаемое, абстрактные понятия и чувственные следы; стало быть, все то, что входит в область иконического знака» [2, с. 105]. Заметим, что с психолингвистической точки зрения индивид вступает во взаимодействие с некоторой знаковой продукцией или знаком, а метафора понимается как знаковая продукция, представляющая собою систему визуальных/звуковых сигналов, интерпретируемых реципиентом в конкретном семиотическом континууме. Эта система представлений формируется у индивида при взаимодействии с конкретным знаком. Иными словами, с психолингвистической точки зрения метафора есть нечто целостное, ментальное образование, когнитивная сущность которой транспортируется мыслью индивида. С семиотической точки зрения метафоре присуща определенная произвольность значения, поскольку «единство семиологии существует на уровне формы, а не содержания; сфера ее применения ограничена, она имеет дело только с одним языком, только с одной операцией – прочтением или расшифровкой» [18, с. 78].

Следовательно, произвольность значения метафоры – это произвольность идеограммы. По справедливому замечанию Р. Барта, в случае декодирования знака, однозначного для всех владеющих данным языковым кодом, индекс, поддается лишь той или иной «интерпретации», связанной с интуицией, культурным кругозором и т. п. воспринимающего, иными словами, не удовлетворяет классическому семиотическому постулату о взаимной предопределенности означающего и означаемого. Это вполне правомерно и для метафоры. Адресант дезавуирует значение, отсекая реальность от ее символических дополнений. Человек присваивает себе предметное значение метафоры, встраивая его в свой семиотический континуум. В таком случае означаемое сводится к асимболизму (термин Р. Барта) речевого субъекта: метафора «преподносит себя» как асимболическую, но конвенциональную инстанцию. Однако и само это отрицание сферы символического принадлежит, разумеется, к символическому коду. Например, на экране монитора компьютера мы пользуемся изображением конверта для обозначения электронного послания или корзиной для удаления документов и файлов. Подобный метафорический иконографический арсенал унаследован от применений последней вначале в устной речи, а затем и в письменной. Подлинная задача адресанта заключается не в том, чтобы декодировать предметное значение метафоры, а затем правильно употребить её в дискурсе, а в том, чтобы дешифровать наполняющие её смыслы и определиться по отношению к ним: «мы более или менее пассивно реализуем общеобязательные нормы, заложенные в языке, но зато активно и напряженно ориентируемся среди социальных смыслов, которыми населены его знаки» [18, с. 13]. Иными словами, метафора есть мотивированная идеографическая система с высокой степенью конвенциональности, поскольку в ней внутренние формы сравниваемых понятий мотивированы теми концептами, которые они репрезентируют, однако они далеко не исчерпывают всех возможностей репрезентации. И подобно тому, как идеограмма в процессе своего развития отошла от концепта и стала ассоциироваться со звуком, становясь все более немотивированной, так и употребление метафоры можно определить по произвольности её значения, когда, например, комплекс симптомов оказывается представленным одним медицинским термином-метафорой.

План выражения метафоры представляет собой системное единство экспонентов и концептов, план содержания — систему концептов и

смыслов, возникающих сначала в языке-генотипе, а затем во внутреннем контексте конкретного индивида и в силу этого неидентичных для адресанта и адресата. Эта неидентичность, обуславливаемая процессами познания и восприятия [19], порождает необходимость осуществления в мозге адресата «сложной аналитико-синтетической работы, выделяющей одни существенные и тормозящей другие несущественные признаки, и комбинирующей воспринимаемые детали в одно осмысленное целое» [20, с. 123].

Вначале происходит формирование образа метафоры в семиотической карте с фокусированием внимания на основных ведущих признаках будущей метафоры и одновременной абстракцией от несущественных признаков. «Исходя из модели обработки памяти, предложенной Крейком и Локхардом, следует, что длительность хранения в памяти зависит от глубины обработки. Информация, которая только на короткое время стала объектом внимания, будет анализироваться на поверхностном уровне и, как следствие, вскоре будет забыта. Такая информация будет забываться быстрее, так как, воспринимаясь человеком ненужной, она будет кодироваться поверхностно. Такое «забывание» способствует снижению интерференции с нужной информацией» [21, с. 624]. Однако информация, которую человек сознательно игнорирует, сохраняется в памяти. Она подвержена такому же эффекту сохранения, как и специально запоминаемая информация и имеет тенденции проявляться в неосознанных ошибках.

Согласно оригинальной концепции сознания, разработанной В.М. Аллахвердовым [22, 23], механизм сознания принимает специальное решение, что осознать, а что – нет. Принятие решения об осознании или, наоборот, о неосознании информации определяется В.М. Аллахвердовым соответственно как позитивный или негативный выбор. Поскольку человек при восприятии двойственного изображения обычно осознает только одно его значение, предполагается, что это значение выбирается человеком позитивно; второе же, неосознаваемое, соответствует негативному выбору. По мнению автора, негативно выбранные значения не нейтральны для сознания – они не просто остаются в стороне, но и активно отвергаются сознанием.

После абстракции несущественных признаков происходит объединение в классификационные группы основных существенных признаков и сопоставление этого комплекса признаков с прежними знаниями и опытом. Еще И.М. Сеченов рассматривал психические процессы «как

звено рефлекса между афферентными сенсорными входами и эфферентными выходами, полагая, что восприятие определяется предыдущим опытом воспринимающего, тем, что запечатлено в его памяти» [24, с. 265]. На этом этапе, наряду с оживлением следов прежнего опыта, происходит включение всей перцепторной деятельности индивида. Образ метафоры «обогащается» субъективной оценкой и прагматическими составляющими (целью и связанной с ней идеей – понятием, развертываемым в дискурсе), а также учетом просодических факторов речевой коммуникации, несущих экстралингвистическую информацию. Пользуясь контекстом изложения и экстралингвистическим контекстом, индивид «игнорирует» все элементы значения, не совместимые с экстралингвистическим контекстом и не связанные с темой речи. При этом учет экстралингвистических факторов, влияющих на продуцирование, восприятие и оценку метафоры, во многом позволяет уяснить механизмы формирования и функционирования этого знакового образования. Л.В. Ланенко обращает внимание на онтологический аспект восприятия, отмечая что «восприятие как первичная ступень познания мира человеком есть непрекращающаяся связь индивида со средой, человека с миром, в реализации которой среда, мир непосредственно открываются человеку и оказываются доступными ему. Процесс восприятия – явление многоплановое, полиморфное и полидетерминированное» [25, с. 346]. Т.Н. Резникова, Ю.Г. Хоменко, Н.А. Селиверстова детерминируют восприятие, прежде всего, как «один из психических процессов, лежащий в основе познания человеком и самого себя, и окружающей действительности» [26, с. 409], влияющий на смысл и понимание сути предмета.

Для целей нашего исследования важно заметить, что «понимание метафор связано с вербально-ассоциативными процессами» [27, с. 326]. «Понимание метафоры – очень сложный процесс, который, однако, мгновенен. В целом идет речь о том, чтобы снова сделать связной речь, в которую просочился «чужак» (*метафора – О.З.*)» [28, с. 16]. С.В. Мартинек, акцентируя внимание на ассоциативном характере понимания метафор, отмечает, что «ассоциативные реакции носят не случайный характер, а являются отображением гетерархических концептуальных структур человеческого сознания. Более того, в связи с тем, что семантические структуры характеризуются относительно когнитивных областей (cognitive domains), относящихся к разным аспектам профилируемой сущ-

ности (entity), реакции позволяют не только эксплицировать эти структуры, но и определять степень их значимости для носителей языка vs. культуры» [29, с. 359, 360]. Полученные автором результаты выявляют релевантные для носителей языка связи с иными концептуальными областями, которые также оказываются включенными в активные процессы метафоризации.

Подводя итог, отметим, что план содержания и план выражения исследуемого феномена являются результатом процесса развития метафоры: от знака – иконы предмета/явления – к знаку-символу и, наконец, к индексу, значение которого определяется его местом в системе языка. Понимание разных типов метафорических выражений требует участия различных психических процессов при непосредственном использовании прошлого опыта индивида (познание). Парадигматическая организация системы кодов является основополагающим принципом организации языка, которому подчиняется метафора как элемент языкового континуума. Функционируя в ментальном пространстве как объект естественного семиозиса, метафора картирует семиотический континуум индивида, репрезентируя основной вектор дешифровки информации.

Список литературы

1. Черниговская Т.В. Мозг и язык: полтора века исследований // Теоретические проблемы языкознания: Сб. ст. к 140-летию кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Филологический факультет, 2004. С. 16–34.
2. Rastier F. Essais de sémiotique sémiotique discursive. Tours Mame. 1974. 230 p.
3. Rastier F. Paradigmes cognitifs et linguistique universelle // Intellectica, 1988. № 6. P. 43–74.
4. Rastier F. Parcours de production et d'interprétation – pour une conception unifiée dans une sémiotique de l'action // Parcours énonciatifs et parcours interprétatifs. Théories et applications. Aboubakar Ouattara, éd. Paris : Ophrys, 2003. P. 221–242.
5. Eco U. Trattato di semiotica generale. Milano, Bompiani, 1975. 250 p.
6. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 156 с.
7. Лурия А.Р. Язык и сознание / Под ред. Е. Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
8. Lacan J. Ecrits. Paris, Seuil, 1966. 924 p.
9. Saussure F. Cours de linguistique générale. 4 ed., P., 1990. 250 p.
10. Arrivé M. Signifiant saussurien et signifiant lacanien // Langages, 1985. V.19. № 77. P. 105–116.
11. Deluise G. Marcel Proust et les signes. Paris, Seuil, 1964. 91 p.

12. Derrida J. *L'écriture et différence*. Paris, Seuil, 1967. 439 p.
13. Derrida J. *Logique du sens*. Paris, Seuil, 1969. 392 p.
14. Kristeva J. *Recherches pour une sémanalyse*. Paris: Ed. du Seuil, 1969. 319 p.
15. Kristeva J. *Le texte clos* // *Langages*, 1968. V. 3. № 12. P. 103–125.
16. Barthes R. *Oeuvres complètes. 1962–1967* // nouvelle édition revue, corrigée et présentée par Eric Marty. Paris, Seuil, 2002. V. 2. 1350 p.
17. Barthes R. *Oeuvres complètes. 1968–1971* // nouvelle édition revue, corrigée et présentée par Eric Marty. Paris, Seuil, 2002. V. 3. 1074 p.
18. Барт Р. *Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова*. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
19. Кураков В.И. Языковое сознание в зеркале процессов категоризации и концептуализации мира // Вторая междунар. конф. по когнитивной науке: Тез. докл.: В 2 т. Санкт-Петербург, 9–13 июня 2006 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. Т. 2. С. 344–345.
20. Лурия А.Р. *Лекции по общей психологии*. СПб.: Питер, 2007. 320 с.
21. Гершкович В.А. Обработка и сохранение сознательно игнорируемой информации // Вторая междунар. конф. по когнитивной науке: Тез. докл.: В 2 т. Санкт-Петербург, 9–13 июня 2006 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. Т. 2. С. 624–625.
22. Аллахвердов В.М. *Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания*. СПб.: Изд-во «Речь», 2003 <http://www.psyportal.ru> (дата обращения: 12.09.2008)
23. Аллахвердов В.М. О причинах возникновения психической интерференции // Вторая междунар. конф. по когнитивной науке: Тез. докл.: В 2 т. Санкт-Петербург, 9–13 июня 2006 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. Т. 2. С. 619–621.
24. Дудкин К.Н., Чуева И.В. Когнитивные процессы в условно-рефлекторном поведении // Вторая междунар. конф. по когнитивной науке: Тез. докл.: В 2 т. Санкт-Петербург, 9–13 июня 2006 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. Т. 2. С. 265–266.
25. Лаенко Л.В. Восприятие и его языковая категоризация // Вторая междунар. конф. по когнитивной науке: Тез. докл.: В 2 т. Санкт-Петербург, 9–13 июня 2006 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. Т. 2. С. 345–347.
26. Резникова Т.Н., Хоменко Ю.Г., Селиверстова Н.А. О цветовом восприятии ритмических фотостимуляций // Вторая междунар. конф. по когнитивной науке: Тез. докл.: В 2 т. Санкт-Петербург, 9–13 июня 2006 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. Т. 2. С. 409–410.
27. Кричевец Е.А. Изучение факторов, влияющих на понимание метафоры у детей // Вторая междунар. конф. по когнитивной науке: Тез. докл.: В 2 т. Санкт-Петербург, 9–13 июня 2006 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 325–326.
28. Detienne C. *Transdisciplinarité et métaphorologie* // *La métaphore en question*. Copyright Cédric Detienne, P., 2004. 24 p.
29. Мартинек С.В. Оппозиция светлый-темный и метафорическая деривация // Вторая междунар. конф. по когнитивной науке: Тез. докл.: В 2 т. Санкт-Петербург, 9–13 июня 2006 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. Т. 2. С. 359–360.

METAPHOR AS A PART OF NATURAL SEMIOSIS

O.S. Zubkova

The article considers the metaphor as a mental representation along with some peculiarities of its existence in the cognitive base of an individual. The approach to the study of metaphor as a part of natural semiotic continuum is theoretically substantiated. While it functions in the mental space as an object of natural semiosis, the metaphor maps the semiotic continuum of an individual and represents the main vector for interpreting information.

Keywords: metaphor, natural semiosis, metaphor ambivalence, natural language.